

магистральной идее была всегда чужда творческой сути Сергея Есенина. Ему, сыну обрывистых речных утесов, изломанных окских берегов, сыпучих снежных сугробов, волнующихся нив, не могла «пригнуться» как «стих без мысли в песне модной» ровная, без сучка и задоринки, дорога. Знал ли Сергей Есенин — или кто-то ему тайно нашептал «свыше», — как еще в седой древности, далеко до нашей эры Марциал защищал свою «неглядкость», защищал яр, самозабвенно, почти отрешенно:

Ты не одобряешь
нижних стихов,
бегущих гладкой дорогой?

Но разве жизнь — самобранная отужуженная скатерть, разве она — накатанный, равнинный путь?..

Нет, еще раз нет. Это понял Сергей Есенин сразу же, с первого шага в литературу. Существует бесчисленное множество характеристик поэзии. Едва ли не каждый, прикоснувшись к ней, пытался выразить суть этого загадочного явления. Казалось бы, уже можно и обобщить опыт, создав единую, универсальную формулировку. Но в том-то и дело, что единственного ответа нет и не может быть никогда. Каждый говорящий вкладывает в предмет разговора свое, каждый перетягивает канат на свою сторону. И, пожалуй, в рассуждениях о поэтике того или иного автора следует исходить прежде всего из его собственных определений.

В августе 1925 года Есенин написал одно из самых замечательных стихотворений, вошедших в лирический цикл «Персидские мотивы». В нем есть четверостишие:

Быть поэтом —
это значит то же,
Если правды жизни
не нарушить,
Рубцевать себя
по нежной коже,
Кровью чувств
ласкать чужие души.

Стоп! Вот и определение. Никакой литературной основы в нем нет — одно только ощущение, одно утверждение: поэт — это сплошное живое чувство,

это человек, который своей живучей кровью ласкает чужие души. Скажу честно, я знаю наилучшие стихи от первой строки и до последней точки. Но всякий раз я ликую, когда вспоминаю их, — настолько они соответствуют моему понятию о поэзии, ее внутренней содержательности.

Намного раньше знакомства с Есениным я был очарован моим земляком Михаилом Александровичем Шолоховым. Я читал и перечитывал «Тихий Дон» за поем. В третьей книге романа есть неожиданные авторские замечания — «эти дни одолевала его поэзия, чужая певучая боль». Опять переключка двух очень родственных душ, переключка двух русских рек — Дона и Оки.

Я рос в краю, где дерево, как гостинец на праздник, было редкостью. В тот год, помню, мне исполнилось шестнадцать счастливых лет. Схоронившись в пыльных подсолнухах от постороннего взгляда, я достал зеленый двухтомник стихотворений и прочел:

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти безречно найдя
Ножку рад поцеловать.

Опять что-то незнакомое и очень знакомое, недавнее и давнее, наподобие чистой родниковой струи, окатило меня с головы до пят. Опять до головокружения и шума вспомнилось и зазеленело гулко и горячее:

«В поредевшей темноте Григорий видит сбитую выше колен Аксинью в рубаху и березово-белые ее ноги». И здесь, что ни говори, родственность ощущений налицо. Но дело, пожалуй, не только в этом. Ведь применительно к Сергею Александровичу Есенину можно говорить о единой и цельной образной системе, нередко переключаются с системами близких художников, как уже выше названный мной Гоголь, как Пушкин, Маяковский.

Примеры? Да их можно привести сколько угодно, всех не упомянешь. Но мне хочется

снова выписать, процитировать из того же Шолохова только три коротких предложения: «За ветряком, в сухих кукурузных бодылях, спотыкаясь, сипел ветер. На причаленных крыльях хлопало оборванное полотно. Казалось Григорию, будто над ним кружит, хлопая крыльями, и не может улететь большая птица» — читаем мы в первой книге «Тихого Дона». И тотчас же приходят на память стихи Сергея Есенина:

Здесь даже мельница —
бревенчатая птица
С крылом единственном —
стоит, глаза смеясь.

Боюсь, что кому-нибудь может прийти мысль о прямом заимствовании. Но охладим пыл указанием на первоисточник, народную загадку, записанную известным собирателем фольклора Дмитрием Николаевичем Садовниковым: «Птица — юстрица, на девяти ногах стоит, крыльями машет, а лететь не может».

И напомним еще раз, что для выходца из села народная словесность, устная поэзия не была мертвым книжным грузом: в языке жили пословицы и притания, широко бытовали поговорки и загадки. Любой сельский человек, любой мирянин почитал природу такой же живой и так же разумно действующей, как и он сам. Много было в природе — близкого, родного, порою таинственного, необыкновенного для крестьянина. Появлялись вопросы, требующие ответа. Умение загадывать и отгадывать причудливые загадки всегда считалось на Руси признаком мудрости. Загадка не только обладала художественными формами, но несла и поэтическое содержание, рождала метафорическое образное восприятие мира. И отражение его в творчестве писателей — явление закономерное.

Сергей Есенин — может быть, и весь сам — наиболее дивная загадка в просторах нашей поэзии.

Ах, как я любил и люблю юное, стремительное — вот это:

Дремлет взрытая дорога.
Ей сегодня примечталось,

Что совсем-совсем немного
Ждать зимы седой осталось.

Ах, и сам я в чаще звонной
Увидал вчера в тумане:
Рыжий месяц жеребенком
Запрягался в наши сани.

Я читал и буквально бредил его ураганными метафорами и шквальными эпитетами. Прочитал и долго разгадывал, нет, не кроссворд, не ребус, а русскую эпико-лирическую загадку, ее роскошный интонационный строй.

Опуститься на самое песчаное дно этих строк, проникнуть в березовую чащу неукротимых чувств и ощущений, понять слово до конца можно только учитывая рожденную нашим простолюдином, опять же загадку: «Сани бежат, а оглобли стоят». Да это же картина! пейзаж, списанный с натуры. Открытая взору панорама — вид реки. В оглобли — берега реки — саней запряжена молодая деревенская луна, а если сказать попросту — это вечерний, осенний месяц над рекой.

Вспоминаю, как по приглашению сестер Есенина двадцать один год назад я приехал первый раз в Константиново, на землю, которая родила его. Вспоминаю, как стоял, не шелохнувшись, на крутом берегу полнолунной синей Оки. Мимо меня проплывали, как небольшие старые пароходы, крестьянские избы. Отсюда видно, как река неторопливо, без особых усилий делает излучину — это знаменитый Макаров угол. Здесь когда-то таскала свои тяжелые жернова водяная мельница, к ней был приставлен старый мельник (не он ли прототип мельника, того радужного, чуткого мужика из гениальной поэмы «Анна Снегина?»).

А вот и небольшой дом с мезонином, «немного присевший на фасад». Уютная, скромная, спокойная терраска, солнечная, просторная горница.

Имение Лидии Кашиной! Имение Анны Снегиной! Здесь разворачивалась народная драма. Здесь ответил и главный герой поэмы на запрос радовских мужиков: «Кто такое Ленин?». Он

произнес только одну фразу, два слова: «Он — вы».

Когда бродишь по незнакомым, но вместе с тем дорогим тебе местам, связанным с жизнью того или иного великого человека, то факты из его жизни, а порою и отдельные мелкие детали преследуют тебя на каждом шагу.

Все они постепенно складываются вместе и дополняют картину увиденного и прочувствованного в тот момент, когда невольно, должно быть, вместе с ощущениями этого уже полузабытого быта — давно исчезнувших плетеных палисадов, деревянных сох, — вместе с воспоминаниями о вечернем самоваре под раскидистыми, цветущими деревьями приходит он, великий поэт земли русской Сергей Есенин. Он «очень и очень любил родину» и посвятил ей всю свою жизнь. Поэт знал, что землю, на которой рождаются, не выбирают, как не выбирают отца и мать. Настоящий поэт приходит для одного и только одного. Чтобы не умирал его народ.

Сергей Есенин — пахарь, косярь в непасенных лугах отчего края. Я вижу, как он идет долиной, «последний поэт деревни». Ему кланяются в пояс вчерашние и нынешние цветы.

К черту я снимаю
свой костюм английский.
Что же, дайте косу,
я вам покажу —
Я ли вам не соевский,
я ли вам не близкий,
Памятью деревни
я ль не дорожу?

Какие распахнутые строчки, точно окна настезь — в голубой утренний мир! Как воскрешают они нравственные наши силы! Ими дышит и не надышится грудь человека. Так и кажется, что их пропели звучные богатырские травы необъятных российских земель.

Их никогда не постигнет засуха, ибо строки эти, слова эти — жизненный дух самого народа, его «заливная соловьиная замазка», как говорил В. И. Даль. Строки эти — ясность и лепота. Все тут неподдельно, безоблачно-сине и мудро. Слушатель, почуяв их, возвращается к чему-то родному, слегка позабытому, к тому, что гнездилося когда-то в людском сознании и было «однажды напувано неласковым шумом житейских сует и хлопот».

Слова эти звенят из края в край не чужой, а доморощенной нашей любовью, любовью — повенчанной с гулкой пахучестью степей, с летним ярким рассветом, с поздней беззвездной ночью, со всем тем радостным и печальным, что дается трудовому человеку на земле.

ЭТО БЫЛО в конце сороковых годов. Стояла снежная, морозная сибирская зима. Я учился тогда в восьмом классе. Во время каникул как-то съездили мы с товарищем в соседнюю деревню, к его родственникам. Пока мой друг оживленно общивался с родными новостями, я нашел на столике в углу небольшой томик стихов в светлой обложке. Издана была книжка изящно, на хорошей бумаге — она так и просилась в руки. Признаюсь сразу: имя автора — Сергей Есенин — было знакомо мне больше понаслышке. В школе мы его еще не проходили, а книг его в те годы почти не встречалось (в нашей глуши — тем более). Перелистывая томик, я поразились необычности стихов: и яркая цветистость, и грубоватая прозрачность, и потря-

Николай ДАМДИНОВ

РОДНИКОВАЯ СУТЬ ЕГО ПОЭЗИИ

сающая нежность — все было здесь. «Весенняя гулка рань» и «несказанное, синее, нежное» отлично уживались с «навозом» и «рязанской кобылой».

К моему счастью, хозяева не подозревали об истинной цене томика. Они охотно разрешили мне взять книжку: «Пожалуйста! Какой разговор!». И я стал обладателем стихов и поэм великого русского лирика.

...На обратном пути, в санях, под свист снежного встречного ветра, я прочитал другу удержавшиеся в памяти строки: «Ах, метель такая, просто черт возьми. Забивает крышу белыми гвоздями». Еще вспомнилось:

«Поет зима — аукает, мохнатый лес баюкает стозвоном сосняка». Так в мою жизнь вошел Есенин.

Поскольку о Есенине в те годы говорилось и писалось мало, постигать поэта было представлено мне самому. Но этот процесс облегчался тем, что стихи сами проникали в душу. Бывало, идешь в начале лета утром по лесу, и откуда ни возьмись, на языке — строки: «Выткался на озере алый свет зари. На бору со звонами плачут глухари. Плачет где-то иволга, схоронясь в дупло. Только мне не плачется — на душе светло».

Позже, в годы учебы в Литературном институте, три имени

засияли передо мной, как определяющие ориентиры: Маяковский, Есенин, Блок. Каждый из них был по-своему дорог, по-своему велик, по-своему неповторим. В Литинституте я понял: нельзя противопоставлять великих поэтов. Один приходит к тебе в час грозы с неукротимым пламенем в очах, придает тебе силы, мужество, другой посидит с тобой рядом в тихий миг летнего вечера, успокоит, умиротворит душу, а без присутствия третьего жизнь твоя была бы неполна, ущемлена в чем-то очень ценном и высоком...

Приход гения всегда неожидан. Когда входил в литературу Сергей Есенин, многие видели в нем эдакого удачника из крестьянских масс. А это был человек, вобравший в себя и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского... Могучая сила таланта плюс культура и неустанный, самосжигающий труд дали в итоге тот волшебный плод, который мы называем творческим вкладом гения в мировую культуру. Сегодня ясно каждому: без имени Сергея Александровича Есенина нельзя себе представить не только русскую, советскую поэзию, но и мировую литературу.

В коротких заметках бесполезно попытка охватить творчество поэта во всем объеме. Но нельзя не подчеркнуть главного: Есенин, этот тончайший лирик, с не меньшим основанием может зваться и поэтом-гражданином. Ему принадлежат проникновенные стихи о Руси Советской, он сумел сказать сердечные строки о Ленине. А как задумательно писал он о братстве народов, видя в СССР прообраз грядущего единения планеты!

Мы живем в эпоху, когда прекрасное описание природы перестало быть просто пейзажем, — оно зовет людей заботиться о родной земле, охранять ее красоту. А сокровенные строки о лирических переживаниях человека — не только взволнованные свидетельства любви. Они облагораживают личность, делают ее выше, честней, добрей, не дают черстветь душе в наш машинный, электронный век. Так родники, бьющие со дна лесного озера, не дают ему заплесневеть, зарости тиной.

Точно такова родниковая, вечная свежесть, животворная поэзия Сергея Есенина — гения, родившегося на кшестой части земли с названием кратким «Русь».

УЛАН-УДА